

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА:

«БЕЗ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ БУДЕТ КАТАСТРОФА»

— Ваш отец — известный поэт Сергей Васильев. Вы всегда жили вместе?

— Нет, не все время, но долго. Когда мама с папой разошлись, мне было двенадцать лет. Это было в 1957 году. Я помню, меня сразу отправили в пионерский лагерь. А Антон, мой брат, оказался в детском саду, и мы почувствовали на себе ужас развода, мы были еще маленькими детьми, но буквально почувствовали все на себе. Антон очень страдал в детском саду. Я сбежала из лагеря. Мы почувствовали одиночество как полусиротство.

Очень многие трагедии нашего времени идут из семьи, а тем более в нашей среде, интеллигентской. Мое поколение почти все разводники, потому что у нас развод вообще ничем не считался, ну что: женился — развелся. Я потом уже узнала, будучи церковным человеком, что развод, как правило, переносится на последующие поколения. То есть если в семье произошел развод и люди не воцерковятся и не начнут жить христианским браком, жить по заповедям, когда развод невозможен, они, как правило, потом несчастны в семейной жизни, у всех разводы, и это из поколения в поколение.

— У вас тоже было несколько браков, вы развелись...

— Да. Я повторила в точности историю мамы, я, как и она, была инициатором развода. Я сделала необдуманный, очень эмоциональный жест, уйдя от Миши Рощина, уйдя абсолютно в никуда. И я до сих пор пожинаю плоды этого. И сын мой, Дмитрий, пожинает эти плоды.

— Он потом спрашивал, где папа?

— Да. Миша очень много им занимался, очень его любил. Мы разрывали Митю, каждый хотел оставить его у себя. Пока это окончательно не закрепилось за мной. И Миша всячески пытался вырвать его. Потом мы уже начали дружить, любить друг друга, простили друг друга.

— Личный вопрос: почему у вас один ребенок, вы не хотели больше?

— Нет, я хотела больше. Один ребенок — это мои грехи. Как вам сказать, вот грех аборт... Когда ты исповедуешь грехи, они прощаются: ты исповедался, и они смыты. А вот такой грех, как грех аборт... Меня страшной волной заливают, ужасом, когда я думаю об этом. И мне кажется, что это такой непростительный грех, хотя я знаю, что он прощен! Такой грех очень сильно во мне живет. Так же легко, как мы развелись, — так же легко мы делали аборт.

И никто нам ничего не говорил, не объяснял, не воспитывал. Нам не говорили, что нельзя разводиться, что нужно любить и быть на втором месте в семье, а муж, много он зарабатывает или мало, он глава семьи. Нас никто ничему не учил — ни готовить, ни шить, ни вязать.

Нас учили пить, курить, быть свободными настолько, насколько это возможно. Потому что это все выдавалось как некое противопоставление системе, это считалось самым главным, если ты хоть как-то выражаешь свою свободу в тоталитарной системе. Это все такая чушь! Это все поверхностные ценности, которые выдавались за очень важные. Была сплошная ложь, не та тоталитарная, партийная, про которую нам без конца талдычат, а это лжедуховное воспитание.

Нас просто изуродовали, наше поколение безбожное, атеистическое. У нас отняли Бога. А это значит, отняли все, отняли правильное представление обо всех

Екатерина Васильева очень редко дает интервью. Поклонники ее таланта знают, что она, находясь на вершине славы и в расцвете творческих сил, неожиданно для многих разочаровалась в актерской профессии, в искусстве, которому так беззаветно служила, и предпочла жизнь духовную, заинтересовалась вопросами веры, религии, православия, даже стала работать в одном из московских храмов. Сейчас Екатерина Сергеевна если и соглашается сыграть в каком-нибудь эпизоде, то, по ее словам, исключительно ради того, чтобы заработать на жизнь.

вещах, ценностях, все переинвали. И кто выжил — тот выжил, кто выжил духовно — их единицы. Очень много народу погибло и духовно, и физически.

— Вы ходили в театральную студию, и, получается, именно эта творческая, актерская среда вас развращала?

— Конечно. Хотя я начала пить еще в школе. В девятом, десятом классах мы уже очень прилично выпивали, и, кстати, девочки выпивали. И это считалось некоторым, так сказать, шиком, нормой жизни. А главное — уравниванием себя с ребятами, с мужчинами.

А поскольку я всегда была очень тщеславной, для меня отставание было чем-то невозможным. Я пила наравне с мальчишками и материться начала довольно рано. И все, конечно, были от меня в восторге. Ну как же? Пьет, матерится, курит, своя в доску, лидер, остроумна.

Остроумие в себе очень культивировали. Тут равных мне не было, все анекдоты мои, хохмы, истории — все любили слушать.

Вот таким образом уже к поступлению во ВГИК я была гоговенько развращенной. И это при том, что я была абсолютно чиста внутренне, даже удивительно.

Я не так давно узнала, что Екатерина значит «вечно чистая». Я очень долго хранила девственность, хотя никто об этом не знал, потому что я всем говорила, что вообще прошла все медные трубы, потому что иначе я бы не котировалась, в той компании это было бы довольно странным.

При этом мы все знали, ходили на выставки, писали стихи, вообще пытались писать. Я всегда плохо училась, но писала абсолютно грамотно, никогда не делала даже запятую ошибочной. При том, что я была катастрофической двоечницей, чудом окончила школу. Я перешла из школы в школу, у меня была одна вечерняя школа, потом вторая, меня гоняли.

Я блокировала себя и не давала знаниям в меня проникнуть, я не хотела, я воспринимала только книги и вещи, которые я сама себе и выбирала. Очень много было Запада: много Хемингуэя, много Ремарка.

Оказывается, в это время шла совершенно неизвестная для меня жизнь. Когда я читаю о каких-то людях божьих, о старцах, которые паломничают, я понимаю, что мы жили вне страны, вне России. Мы, московская так

называемая золотая молодежь, никакого отношения к стране и к истинному потоку времени не имели. Вообще ни к какой истине.

Это было все сплошное уродство, это была помойка, на которой мы воспитывались, считая, что мы находимся в самом лучшем, в самом центральном положении. «Современник» начался, «Таганка», я поступила во ВГИК с лёту, Антониони, Феллини, т. е. все уши, все глаза были на Запад.



Это была земля обетованная там. Представить себе, что в какой-то стране воспитывают людей не патриотами, а людьми, стремящимися вырваться за пределы своей страны оттого, что они ее не знают, оттого, что она закрыта, они знают только то, что им навязывается!..

Мы, конечно, не хотели слышать ни о партии, ни о комсомоле. Но нам как бы подсовывали все. И вот эта диссидентская волна выдавалась как бы за самое важное дело, как борьба с режимом...

И даже когда шла в артистки, я думала, что, помимо того, что я была явно одаренной в этом ремесле, я еще смогу на базе «Современника» сказать что-то против власти, у меня уже к тому времени было много знакомых поэтов, писателей, которые были тоже против власти.

Я хотела со временем влиться в это диссидентское движение. Но вот Бог милостив, я не попала в эту компанию, я просто стала артисткой.

— Таково ваше поколение, сейчас иные времена, иные нравы. А как вы видите, что будет впереди? Мораль, этика, отношения между мужчиной и женщиной лет через двадцать?



— Все будет зависеть от страны. У нее есть два пути. Либо государство будет ориентироваться на православие, христианские ценности — это будет одна страна, одна молодежь. Либо нет, и это будет просто катастрофа!

Церковь — это вообще такая вещь, которая требует перемены жизни, достаточно серьезной перемены. И до какой степени человек меняет себя и свой образ жизни, до такой степени он меняется и сам, и меняется все вокруг него.

Вот есть один очень известный актер, не могу, к сожалению, назвать его фамилию, это достаточно тайная история, так вот он позвонил мне несколько лет назад и сказал, что крестился. Мы с ним встречаемся спустя определенное время, разговариваем о жизни. И я понимаю, что ничего не изменилось, — он изменяет жене. И я

ешь, углубляться дальше, очищать свою совесть, грехи эти бесконечные, и времени на покаяние не хватит.

Человек, который крестится, должен понимать, что совершает самый главный акт в своей жизни, должен успеть весь этот груз отрицательный, который нажил, отомолить, откатиться.

Сын Дмитрий стал причиной того, что Васильева пришла в церковь. Когда Диме было всего два года, семья отдыхала на подмосковной даче. Неожиданно ночью малышу стало плохо, и никто не знал, как ему помочь. Васильева с мужем бросились в расположенный поблизости детский сад, где был врач. Доктор поспешил к мальчику и смогла его спасти. Врачом оказалась Екатерина Трубецкая — прямой потомок рода Муравьевых, бывшая замужем за правнуком Трубецких. Она и привела Васильеву в храм, который облюбовала для молитв религиозно настроенная часть московской интеллигенции. В результате в 33 года Екатерина Сергеевна крестилась.

Дед Екатерины Васильевой — известный педагог Антон Макаренко. Другой дед служил священником в Кургане. Православных купцов Васильевых почитал весь город, там до сих пор сохранился фамильный особняк Васильевых. Имя ее отца, известного советского поэта, носит школа и бульвар. Колонисты, воспитанники Антона Макаренко, приезжая в Москву, всегда останавливались у Васильевых, мама Екатерины Сергеевны со многими из них поддерживала связь. Давняя дружба связывает семью и с Григорием Явлинским — его отец рос в колонии Антона Семеновича.

Сейчас Екатерина Васильева работает казначеем в московском храме Святого Антипы. Он расположен на Волхонке, по соседству с Пушкинским музеем. За его возвращение церкви прихожанам пришлось вести долгую битву на самом высоком уровне. Главным противником возглавляемой Васильевой группы верующих стала директор ГМИИ Антонова, использовавшая помещение храма под складское хранилище. Екатерина Васильева отдала десять лет тяжбам, судам и разбирательствам, хотя решение о передаче здания было принято еще в 1992 году. Однажды после очередного суда Васильева пришла к батюшке и сказала: «Не могу больше, сил моих нет!» А он ответил: «Катенька, это и есть наше с вами дело. Господь хоть завтра храм вернет, а чем мы тогда будем заниматься? Испытание послано для укрепления веры». К кому только не ходили, какие пороги не обивали! Очень помогли с возвращением храма Валентина Матвиенко, Георгий Полтавченко, Евгений Примаков, ныне покойный Аркадий Вольский. Теперь все прихожане за них молятся.